

УДК 811.131.1

СИСТЕМА АЛЛОКУТИВНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ИМПЕРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

© 2019 г.

Н.К. Гусева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

n.k.guseva@spbu.ru

Поступила в редакцию 01.06.2018

Рассматриваются становление системы аллокутивных местоимений итальянского языка с момента зарождения и нормы их языкового употребления с учетом фактора времени. Особое внимание уделяется императивным глагольным формам, морфологически связанным с аллокутивными местоимениями, как наиболее эксплицитным формам выражения социальных отношений между участниками речевого акта.

Ключевые слова: аллокуция, аллокутивные местоимения, императивная парадигма, итальянский язык, суррогатные формы императива, социальный дейксис, историческая грамматика итальянского языка.

Этапы формирования аллокутивной системы

Прототипическим аллокутивом¹ во всех естественных языках является личное местоимение единственного числа *ты*, употребление которого предполагает равноправный статус адресата с говорящим. В латинском языке изначально существовала именно эта аллокутивная форма – *tu*. Только к IV веку н. э. по отношению к императору стали употреблять местоимение второго лица множественного числа *vos*: Brown и Gilman относят это новшество к IV веку [1, с. 254], а Cortelazzo и Zolli показывают, что использование *vos* в качестве *pluralis majestatis* встречается уже в III веке, во времена императора Гордиана III [2]. Также и Maiden упоминает, что в III веке н. э. стали использоваться формы второго лица множественного числа как уважительные аллокутивные формы при обращении к одному человеку с соответствующими глагольными формами во множественном числе, но с прилагательными в форме единственного числа [3, р. 189].

Бинарная система латинских аллокутивов

Существуют по меньшей мере две версии происхождения *pluralis majestatis*. Brown и Gilman отдают предпочтение теории двух Римских империй (Западной и Восточной) и соответственно двух императоров: в Константинополе и в Риме. Официально две части империи были объединены и обращение к императору содержало в себе указание на двух лиц [1, с. 254]. Вторая версия заключается в репрезен-

тативном характере роли императора в империи. Император говорил о себе, «употребляя первое лицо множественного числа *nos*, чтобы подчеркнуть, что говорит он не только от себя, но и от имени всего общества, которое представляет» [4, р. 239]. Следовательно, второе лицо множественного числа *vos* было простым соответствием местоимению *nos*.

Бинарная система аллокутивных местоимений латинского языка, основанная на оппозиции *tu/vos*, продержалась в романских языках вплоть до Средневековья. Поначалу *vos* употребляли только при обращении к императору, затем оно распространилось и на понтификов, по отношению к которым употреблялась формула *Vostra Signoria*. В позднелатинском периоде *vos* сменилось на *voi* и перешло в итальянский. В период с XII по XV век обращение *Vostra Signoria* или *Signoria Vostra* придавало особенную торжественность при обращении к лицам, облеченным властью [5, р. 187]. С течением времени *Voi*² стало употребляться не только в папской канцелярии, но и при обращении к представителям аристократии. Стилистически маркированное *Voi* зафиксировано в литературных произведениях, а значит, сохранено в языковой памяти и, как мы увидим позже, продолжает употребляться и в наши дни с некоторыми ограничениями социально-территориального характера: на юге Италии и в некоторых центральных регионах до сих распространено этикетное местоимение *Voi*, в отличие от северных регионов Италии, где признаётся только одно этикетное местоимение – *Lei*. Однако ситуация не всегда была таковой.

Салимбене Пармский в хронике 1282–1287 гг. отмечает, что в современном ему Риме,

а также в Апулии и на Сицилии обращаются на *tu* даже к императору и к папе, а употребление *voi* более характерно для Ломбардии: «Так поступают жители Апулии и Сицилии и римляне, которые говорят «ты» императору и верховному понтифику. И при этом называют его господином, говоря: «ты, мессер». <...> Уместно и подобает говорить «ты» подростку, поскольку он дитя и молод. Но жители Ломбардии не только мальчику, но даже и курице и коту говорят «вы», даже бревну» [6, с. 133]. Позднее обращение на *voi* будет считаться тосканского происхождения: «Perduto il *tu* Latino, e 'l *voi* Toscano, barbara Signoria succede...» [7, p. 879³].

В «Божественной комедии» Данте (1265–1321) местоимение *Voi* встречается при обращении к наиболее влиятельным персонажам, в большинстве же случаев, составляющих норму, в диалогах используется местоимение *tu*: *Voi* Данте использует при обращении к Гвидо Кавальканти (Ад, X), Фарината дельи Уберти (Ад, X), Гвидо Гуиницелли (Чистилище, XI), папе Адриану V (Чистилище, XIX), Каччагвида (Рай, XVI, 16–27). Кроме того, Данте подчёркивает, что обращение на *Voi* имеет римские корни: «Dal 'voi' che prima a Roma s'offerie, in che la sua famiglia men persevera, ricominciaron le parole mie...»⁴ (Рай, XVI, 10).

У Петрарки (1304–1374) местоимения *tu* и *voi* встречаются при обращении к одному и тому же лицу – к его возлюбленной Лауре – в пределах одного канта:

Quando io movo i sospiri a chiamar **voi**,
e 'l nome che nel cor mi scrisse Amore,
LAUdando s'incomincia udir di fore
il suon de' primi dolci accenti suoi
Vostro stato REal, che 'ncontro poi,
raddoppia a l'alta impresa il mio valore;
ma: TAcì, grida il fin, ché farle honore
è d'altri homeri soma che da' **tuoi**.
(Canzoniere, V)

В «Декамероне» Боккаччо (1313–1375) местоимение *voi* встречается гораздо чаще, чем у предыдущих двух авторов. В то время как *tu* предназначено для друзей, жён, мужей и представителей низших слоёв общества, *voi* встречается там, где нижестоящий в социальной иерархии обращается к вышестоящему, в диалоге между состоятельными людьми или при обращении к монахам и женщинам. Рассказчики обращаются друг к другу на «ты», хотя они и принадлежат к благородному сословию, но, по всей видимости, связаны узами дружбы и солидарности. Неифила обращается к Пампинее: «Pamrinea, per Dio, guarda ciò che **tu** dichì» (22). Чуть позже Пампинее говорит: «Dioneo, ottimamente **parli**» (24). Обращение *voi* встреча-

ется, например, в обращении монаха к аббату: «e **voi** ancora non m'avevate mostrato che i monaci si debban far dalle femine priemere come da' digiuni e dalle vigilie» (50). В диалоге Бергамино с мессером Кане делла Скала именно из оппозиции местоимений *tu/voi* хорошо заметно социальное неравенство двух персонажей: «– Bergamino, che hai **tu**? **Tu** stai così malinconoso! Dinne alcuna cosa. – Bergamino allora, senza punto pensare, quasi molto tempo pensato avesse, subitamente in acconcio de' fatti suoi disse questa novella: – Signor mio, **voi** dovete sapere che Primasso fu un gran valente uomo in gramatica» (57).

Бинарная система латинских аллокутивов, существовавшая в средневековом итальянском языке, укоренилась и в других европейских языках вследствие влияния латинского языка католической церкви. Местоимение второго лица множественного числа как этикетная форма аллокутива при обращении к одному лицу зафиксирована в немецком (*ihr*), во французском (*vous*), в котором эта форма сохранилась до наших дней, и в английском (*ye/you*) в оппозиции к форме второго лица единственного числа (*thou*)⁵.

Зарождение трехчастной системы

Система аллокутивных местоимений итальянского языка, установившаяся в раннем Средневековье, в XIII–XIV веках обогатилась ещё одной формой – *Lei* (мн. ч. *Loro*), которая, впрочем, закрепились в языке только в XVI веке. В комедии Макиавелли «Мандрагора» (1518 г.) местоимение *Lei* не встречается ни разу, местоимение *voi* употребляется как при обращении к одному человеку (этикетная форма), так и при обращении к нескольким лицам. Любопытно, что только одно действующее лицо обращается ко всем с аллокутивным местоимением *Voi* – Фра Тимотео, тогда как другие лица в обращениях используют как *tu*, так и *Voi*, и их выбор обусловлен социальными различиями между героями. Тем не менее есть как минимум два случая, когда один и тот же человек по отношению к другому чередует *tu* и *Voi* – это обращения Лукреции и Лигурио к Фра Тимотео.

В другом известнейшем романе итальянской литературы, «Обручённые» Мандзони, действие которого происходит лишь сто лет спустя после событий, описанных в «Мандрагоре», автор с большим тщанием использует уже три аллокутивных местоимения единственного числа – *tu*, *Voi* и *Lei* – и с их помощью описывает не только различия в социальном статусе героев, но и изменения их настроения и поведения. Действующие лица в своей массе принадлежат к раз-

личным социальным и возрастным группам и чаще всего употребляют немаркированное *Voi*. Главные герои, Ренцо и Лучия, обращаются друг к другу на *Voi* как до свадьбы, так и после неё. Взаимное *Voi* встречается и в диалогах между Ренцо и матерью Лючии: Ренцо обращается к матери своей невесты на *Voi* из уважения к её возрасту и положению, та в свою очередь употребляет *Voi* по отношению к молодому человеку из желания подчеркнуть, что он уже не ребёнок и их отношения ещё не настолько родственны, что можно ей перейти на *tu*. Аллокутивное местоимение *Lei* в романе может рассматриваться как маркированное. Оно появляется в диалогах с наиболее влиятельными и уважаемыми лицами, к которым относятся в первую очередь дон Аббондио, падре Кристофоро, дон Родриго, граф Аттилио.

Бинарная система аллокутивных местоимений позволяла чётко делить людей на простых и благородных, знакомых и незнакомых, уважаемых и не заслуживающих уважения. С появлением третьего местоимения стал выделяться класс лиц не просто высокого, а высочайшего происхождения и заслуживающих наибольшего уважения. В литературе XIX века встречается как бинарная, так и трёхчастная система: у Верги в романе «Семья Малаволья» (1881) повсеместно употребляется местоимение *Voi*, с которым обращаются друг к другу деревенские жители; у Коллоди в «Пиноккио» (1883) используются оба этикетных местоимения – *Voi* и *Lei*, хотя самым употребляемым местоимением остаётся *tu*.

Согласование с этикетными аллокутивными местоимениями *Lei* и *Loro*

Распространение аллокутивного местоимения третьего лица единственного числа не было всеобщим в отличие от местоимения второго лица множественного числа: из романских языков эта форма зафиксирована только в иберо-романском и итальянском языках, в то время как в италороманских диалектах, особенно в центральном и южном регионах, она не закрепились. Распространение этикетных аллокутивных форм в итальянском языке XVI века стало следствием широкого использования таких уважительных форм, как *vostra signoria*, *vossignoria*, *vostra eccellenza*, которые носят названия абстрактных аллокуций [5, с. 188] или описательных оборотов [8, с. 23]. В период их распространения в языке наблюдалось параллельное употребление в одном и том же тексте как личных местоимений *Quella*, *Essa* и *Ella*, так

и их окказиональных перифраз в форме абстрактной аллокуции – *Vostra Signoria*, *Vossignoria*. Из названных местоимений в употреблении остались только *Ella* в качестве подлежащего и его косвенная форма *Lei*. Отмечены два пути согласования глаголов с местоимением или выражениями абстрактной аллокуции в пределах одного предложения: 1) адресат рассматривался как второе лицо множественного или единственного числа, а обращение к нему в форме *vostra signoria* или аналогичных как окказиональность, и, следовательно, глагол согласовывался во втором лице: «...*conchiudendo, prego le magnifiche signorie vostre, che con giusta clemenzia i miei errori castigiate*» (Sermini, nov. 32⁶); 2) говорящий или пишущий постоянно придерживался абстрактных аллокутивных формул, для их замещения использовал местоимения третьего лица единственного числа женского рода и согласовывал и с первыми, и со вторыми глагол в третьем лице единственного числа: «*esclamo marcé alla vostra paternità, la quale è liberale a tutti quelli che recorre a lei*» [5, р. 189], причем это правило действовало в пределах одного предложения, по окончании которого автор свободно переходил на *voi*. В конце XV века согласование по второй модели (третье лицо единственного числа женского рода) получает более широкое распространение. Далее Migliorini отмечает, что несмотря на распространение абстрактной формы обращения в качестве выражения верноподданничества и угодливости в частных письмах и речи, в книжной речи продолжается традиционное употребление местоимения *voi* [5, р. 190].

Стилистическая дифференциация между *Ella* (первоначально именительный падеж) и *Lei* (первоначально косвенный падеж) позволяет определить в современном итальянском языке дальнейшее различие между ними – первое имеет исключительно формально-возвышенный характер, в то время как второе выступает немаркированным членом. Если в единственном числе прочно закрепились оппозиция между местоимениями *tu* и *Lei*, то во множественном числе до сих пор широко употребляется местоимение *voi* по отношению к собеседникам, к каждому из которых в отдельности обращались бы на *Lei*. Для многих итальянцев этикетное аллокутивное местоимение *Loro* во множественном числе является более социально маркированным, нежели *Lei* в единственном числе [9, р. 21–22]. Прилагательные, выступающие в качестве определения при этих местоимениях, обычно согласовываются с родом референта (адресата), за исключением причастия прошедшего времени, которое, как правило, согласует-

ся в женском роде: например, в таких предложениях, как *L'ho vista* (обращено к мужчине).

Влияние испанского языка

Распространено мнение, что приведенные выше формы уважительного обращения появились в итальянском языке благодаря испанскому влиянию и рассматриваются в качестве заимствования испанской формы *Vuestra Merced!* (позднее *usted*). В Италии XVI века обращение, подобное испанскому, *Vostra Signoria*, рассматривалось именно как калька с испанского. У поэта Маттио Франчези (ум. 1565) есть такие строчки в стихах «*Contra il parlar per Vostra Signoria*»: «*Noi siam pur obligati allo Spagnuolo, / perché con si elegante elocuzione / ci ha fatto insignorir di qualche duolo*»⁷ (*Opere burlesche* П⁸).

Поскольку существительные, используемые в этикетных абстрактных аллокуциях, женского рода, то они впоследствии были замещены местоимением 3-го л. ед. ч. ж. р. *Lei*⁹. Отметим, что данная гипотеза об иностранном происхождении аллокутивных местоимений *Lei* и *Loro* стала причиной того, что фашистское правительство Италии в 1938 году запретило использовать их по причине иностранного происхождения и женского рода как «немужественного» и противоречащего фашистской идеологии. Основанием для пересмотра аллокутивной системы стала идеологическая необходимость в объединении народа, проживающего на территории Италии, и представлении его как преемника Древнего Рима. Логика была следующей: республиканский Рим знал только *tu*, затем в Риме Цезаря появилось *voi*, что уже нарушило чувство единства и принадлежности к одному роду человеческому, но всё же *voi* было своим, родным, латинским, не навязанным извне¹⁰ [10]. Результатом этой реформы, отложенным во времени, стал реакционный возврат к местоимениям *Lei/Loro* сразу же после падения итальянского фашизма, хотя в литературных произведениях и фильмах послевоенного времени ещё можно было встретить обращение *Voi*, но это происходило скорее всего по инерции или было вызвано контекстом – в центре и на юге Италии до сих пор распространено употребление аллокутивной формы *Voi* [11, p. 359]. Таким образом, можно говорить о двойной оппозиции аллокутивных местоимений: *tu/Lei* и *Lei/Voi*. Употребление *Loro* не является таким же всеобщим, как *Lei*: по отношению к *Lei tu* выступает конфиденциальной формой, но нельзя сказать то же самое по отношению к *voi* при обращении к нескольким адресатам, к каждому из которых по отдельности обращаются на *Lei*.

И всё же некоторые лингвисты не соглашались с гипотезой испанского влияния. В монографии, посвящённой испанскому влиянию на итальянский язык и культуру, читаем, что «все эти выражения, считающиеся ‘испанскими’, в действительности итальянского происхождения. Но Испания, благодаря своему господству и престижу в Европе XVI–XVII веков, повлияла на их широкое распространение во Франции и в Англии, а также «возродила» их в Италии. Те, кто пристально занимался историей этого вопроса, могли заметить, что большая часть аллокутивных форм, в отношении которых современные авторы утверждают их испанское происхождение, очень часто встречается в итальянском языке со времён его зарождения» [12, p. 195]. Для реальной оценки испанского влияния на систему аллокутивов в итальянском языке необходимо различать этапы этой экспансии. Что касается абстрактных аллокутивных форм типа *Vostra Signoria*, их испанское происхождение вызывает большие сомнения и, если такое действительно было, является более культурным, нежели языковым заимствованием. Абстрактные аллокутивные формы существовали в итальянском языке начиная с XIII века, и уже в XV веке наблюдается тенденция их перехода из разряда строго уважительных форм по отношению к отдельным лицам в прагматические формулы этикета. Именно с этим предпочтением абстрактной аллокуции в речи связано использование аллокутивных местоимений третьего лица единственного числа женского рода в ущерб местоимениям второго лица при этикетном обращении к адресату и согласовании с ними глагола и прилагательного в единственном числе. Если принять во внимание тот факт, что этот тип согласования получил широкое распространение в Испании в середине XV века и в любом случае раньше, чем в Италии, а также то, что испанское влияние обнаруживалось прежде всего при дворах, то некоторое испанское влияние в языке несомненно присутствовало. Обычай использовать обращение *Signore* в XVI веке получил наибольшее распространение на территориях, подконтрольных Испании, – Неаполь и Ломбардия. Кроме того, сращивание словосочетаний по типу испанского *Usted* наблюдается по сей день на территориях, долгое время подвластных испанскому владычеству, – на Сицилии, где до сих пор употребляется форма *vossia*, происходящая от *vostra signoria* – *vossignoria* – *vossia* [13, p. 266–267].

Любопытно, что такие интеллектуалы, как Клавдий Толомеи (1492–1556), Аннибале Каро (1507–1566), Чезаре Капорали (1531–1601), Манфреди Муцио (1535–1609), находили достаточно абсурдным обращение к лицу в абстрактной фор-

ме и согласование с этой абстрактной формой местоимения и глагольные формы [5, p. 193–195]. У Капорали читаем: «veramente corrotta usanza e rea / che io v'abbia a ragionar per mezzo d'una / terza persona e immaginata Idea!»¹¹ (Caporali, *La Corte*, Parte II¹²). Аннибале Капо пишет в письме к Бернардо Тассо: «Cosa, che a me pare stranissima, e stomacosa; che habbiamo a parlar con uno, come se fusse un'altro; e tutta via in astratto, quasi con la idea di colui, con chi se parla, non con la persona sua propria»¹³ (Caro, I: 205¹⁴). В 1543 году Клавдий Толмеи, обращаясь к Аннибале Капо, пишет: «Io talora quando qualcuno scioccamente mi vuol lusingare e me dice (sia per sempio) *la Signoria vostra mi faccia questa grazia*, prima penso se parla a me, e poi avvedendomi di questo errore, gli dico: *la Signoria mia vi risponda, poi ch'ella v'ha a far questa grazia, e non io*»¹⁵ (Tolomei 1557 л. 83 об.¹⁶). Недовольства интеллектуалов не ограничились лишь XVI веком. В 1829 году Леопарди писал своему другу адвокату Маэстри, отдавая явное предпочтение форме *Voi*, называя *Lei* «проклятым испаннизмом третьего лица»: «Amico mio carissimo, Comincerò dal ringraziarvi di aver dato bando a quel maledetto spagnolismo della terza persona, per trattarmi colla familiarità che conviene all'amicizia nostra»¹⁷ [14, p. 428].

Итак, местоименная аллокуция на *Lei* начинает занимать промежуточное место между *Vostra Signoria*, от которой она окончательно отделяется, и *Voi*. Migliorini, таким образом, приходит к выводу, что в случае аллокутивных местоимений речь идёт не столько об иностранном заимствовании, сколько об исторически обусловленной волне церемониала, зародившейся в Испании [5, p. 196]. Благодаря этой волне новая аллокутивная форма, первоначально употребляемая по отношению к весьма ограниченному кругу людей, получила широкое распространение и перестала быть классово-маркированной. Сама причина расширения бинарной системы аллокутивных местоимений в итальянском языке лежит, несомненно, в распространившейся в позднем Средневековье традиции церемониала, имевшей своей отправной точкой Испанию, но если в испанском языке *Usted* напрямую происходит от *Vuestra merced* и является его сокращённой формулировкой, то итальянская форма вежливого обращения *Lei* этимологически не связана с абстрактным аллокутивом *Vostra Signoria*, а выступает его субститутом.

Современное состояние аллокутивной системы

Исторически сложилось так, что литературный итальянский язык стал общеупотребитель-

ным на всей территории Италии сравнительно недавно. Начиная с 1956 года, так называемой «эры телевидения», относительно единая модель итальянского языка вначале распространилась в городах и только затем в сельской местности по всей континентальной и островной Италии благодаря голубым экранам. В начале XX века в семьях среднего и высшего класса супруги использовали *voi* при обращении друг к другу. Во всех социальных классах дети обращались к родителям на *voi*, а в ответ родители употребляли *tu*. К концу столетия употребление *tu* в семьях стало повсеместным [15, p. 265, 199].

В середине семидесятых годов прошлого века были проведены исследования, обнаруживающие тенденции развития системы итальянских аллокутивных местоимений. Выборка производилась среди двух групп информантов, молодых и пожилых, которые, в свою очередь, подразделялись на две социальные группы в зависимости от уровня образования, экономического дохода и места проживания, т. е. высший и низший классы [16, p. 144]. Было показано, что в современном итальянском языке всё чаще используется местоимение *tu* даже в официальных ситуациях или в тех случаях, когда собеседники не знакомы [17]. Отмечалось, что растущий в последнее время уровень конфиденциальности находит своё выражение не только в аллокутивном сдвиге в сторону *tu*, но также и от фамилии в сторону имени. Тем не менее современные социолингвисты не торопятся рассматривать этот сдвиг как результат всеобщей демократизации с неизбежным социальным выравниванием на основе идей солидарности и фамильярности. Benigni и Bates отмечают, что опрос жителей Центральной Италии обнаружил прежде всего диастратическую вариативность: тенденцию к преобладающему использованию местоимения *tu* проявляют молодые люди высших классов, в то время как молодые люди низших классов находятся на противоположном полюсе и выступают большими консерваторами. В их среде сохраняется также и употребление *Voi*, служащее в кругу семьи выражением уважения. Бóльшая формальность и употребление *Lei* даже в тех случаях, когда оно не диктуется этикетом, приверженность местоимению *Voi*, пусть и остаточная, объясняется желанием выдержать социальную дистанцию. К тому же расширение сферы употребления *tu* среди молодёжи высших классов, похоже, вызвано вовсе не растущим чувством солидарности или желанием избежать дискриминирующего поведения, но чувством принадлежности к одной социальной группе (*élite*) и стремлением дифференцироваться от «других» [16, p. 152–153]. Это проявляется в

отношениях между коллегами и представителями одной профессии, даже малознакомыми. Кроме этого, подобное языковое поведение активно популяризируется СМИ. Иными словами, несмотря на всю противоречивость, для высшего класса характерно как симметричное употребление *tu* в пределах своего социального класса, так и симметричное употребление *Lei*.

В последние десятилетия в результате значительных изменений в социально-общественной жизни утвердились новые каналы связи между членами общества. Крупные торговые сети вытеснили из повседневной жизни мелкие частные лавки и магазины, исчезли и продолжают исчезать многие бывшие привычными точки соприкосновения людей из разных социальных классов: городские и районные рынки, передвижная торговля, праздничные ярмарки и т. п. Привычки и ритуалы, господствующие веками в межличностной коммуникации, связанной с процессом купли-продажи или услугами бытового сектора (прачки, лудильщики и т. п.), изменились. Практически исчезает класс неработающих женщин, занимающихся исключительно домашним хозяйством. Общение всё больше смещается в рабочую сферу, что неизбежно меняет его тематику и социальный дейксис [см. 15, р. 265]. Любопытное наблюдение сделано Renzi касательно социального дейксиса в рекламных текстах: *Lei* при обращении к адресату (потенциальному потребителю) носит явно спорадический характер, в то время как *voi* наряду с *tu* – самый распространённый способ обращения [11, р. 360].

Эксплицитный переход от *Lei* к *tu* может происходить как посредством прямого предложения *Possiamo darci del tu?*, часто сопровождаемого объяснением *Ci conosciamo da tanto tempo!*, так и в режиме конфликтной ситуации посредством необъявляемой смены аллокутивного местоимения. В некоторых ситуациях наблюдается асимметричное употребление аллокутивов: лицо, стоящее на более высокой ступени социальной иерархии, обращается к собеседнику на *tu*, а тот в свою очередь употребляет *Lei* в ответ. В некоторых случаях при обращении к более пожилому собеседнику говорящий использует *tu* наряду с инклюзивным *noi* (например, врач к пациенту) в целях создания более доверительной обстановки, при этом параметр уважения отходит на второй план [18, р. 145].

В тех случаях, когда социальные отношения не ясны, либо во избежание прямого указания на асимметрию социальная стратификация может быть скрыта за неличными формами глагола или при помощи иных стратегий [19, р. 13].

Например, в итальянском языке в различных инструкциях, в частности в кулинарных рецептах, наблюдается чередование *tu*, *voi* и инфинитива (*prendi/prendete/prendere*).

По мнению Renzi, выбор между *tu* и *Lei* в современном итальянском языке основан на двух параметрах: превосходство/подчинение и близость/дистанция [11, р. 365]. Параметр превосходства/подчинения определяется следующими факторами, расположенными в порядке уменьшения их влияния на выбор:

- авторитет или социальное главенство. Сюда входят такие понятия, как должности и роли в социальной или профессиональной жизни, экономическое благосостояние;
- возрастное превосходство;
- превосходство в отдельно взятой ситуации, например, хозяин дома, принимающий гостей.

Эти факторы могут исключать друг друга, например, значимость социальной роли может не соответствовать возрасту и вызывать затруднение в выборе аллокутивного местоимения. Введённое Benigni и Bates понятие солидарности нивелирует параметр превосходство/подчинение и делает выбор аллокутивного местоимения неактуальным.

Для второго параметра – близость/дистанция – характерна неоднородность членов оппозиции. Понятие близости между коммуникантами более однозначно, в то время как дистанция может проявляться как между совсем незнакомыми коммуникантами, так и между знакомыми, но на основе особых уважительных отношений. Иными словами, близость всегда находит своё выражение в *tu*, а дистанция может выражаться как в *tu*, так и в *Lei*.

Из вышесказанного очевидно, что оппозиция *tu/Lei/Voi* отнюдь не является выразителем категории вежливости. Это средство выражения социального дейксиса в параметрах превосходства/подчинения и близости/дистанции. Принцип вежливости заключается в ослаблении потенциальных конфликтов, могущих возникнуть в процессе коммуникации, и реализуется в речи посредством предпочтения одних синтаксических конструкций другим, одних лексических средств другим (например, использование глаголов 'обедать' или 'ужинать' вместо менее благозвучного глагола 'есть'), при помощи просодических средств, а также невербальных средств коммуникации – улыбка, жесты и т. п. Что касается побудительных высказываний, то в итальянском языке одно и то же пропозициональное побудительное содержание может быть выражено прототипической императивной формой, вопросом с индикативной формой глагола или, для пушего увеличения вежливости, в

форме условного наклонения (кондиционала), независимо от того, как говорящий обращается к адресату, то есть как он определяет своё положение и положение адресата в социуме:

Passami il sale! / Mi passi il sale!

Mi passi il sale? / Mi passa il sale?

Mi passeresti il sale? / Mi passerebbe il sale?

В некоторых случаях первый способ может показаться слишком грубым, а второй и третий – слишком напыщенными, но это верно как для обращения на *tu*, так и на *Lei* [11, p. 375].

Прототипический императив и современный конъюнктив

Аллокутивные местоимения *Lei* и *Loro* в побудительных высказываниях, в том числе и при редукции местоимения, требуют согласования глагола в конъюнктиве настоящего времени. Конъюнктив является одним из индикаторов побудительности наряду с императивом и инфинитивом. Разграничение императивной и конъюнктивной парадигм затруднено тем фактом, что императивная парадигма итальянского глагола нерепрезентативна и почти полностью заимствована из других парадигм: индикативной и конъюнктивной, обе настоящего времени. Наложение императивной, индикативной и конъюнктивной парадигм отмечалось ещё в латинском языке. В побудительных высказываниях с адресатом во множественном числе в первом лице использовались формы конъюнктива, а во втором лице – императивная форма, формально близкая к индикативу [20, p. 20]:

индикатив	императив	конъюнктив
-amus	-emus	-emus
-atis	-ate	-etis

Сослагательное наклонение (конъюнктив) в латинском и итальянском языках тесно связано с описанием состояний и событий, рассматриваемых как «внутренние», или ментальные, выражением концептов, которые не отражают «внешнюю» объективную реальность. Конъюнктив может быть употреблён, потому что данному событию или состоянию противоречат факты, так как фактическая реальность того, что утверждается, неопределенна, недостоверна или сомнительна, или эта реальность просто находится на втором плане и воспринимается как мало важная. Maiden выделяет четыре случая использования конъюнктива: 1) в предложениях, где содержание представлено как ложное; 2) когда реальность события, действия или состояния, выражаемая глаголом, неясна по причине неопределённой идентичности субъекта или субъект не уточняется; 3) когда достоверность высказывания рассматривается как

мало важная; 4) в главных или в придаточных предложениях, передающих условие, идеальное представление о действии, состоянии или событии, которые обычно являются нереализованными [3, p. 223–224]. К последнему случаю относятся выражения волеизъявления и запреты в тех случаях, когда желаемое или каузируемое событие, или состояние ещё не исполнено: *E' necessario che i treni rispettino l'orario; Voglio che venga; Impedirò che cantino*. В главных предложениях конъюнктив обычно выражает желание или побуждение: *Vengano domani!; Non cantino; Fosse vero!* В отличие от латинского языка современный итальянский допускает употребление дополнительного элемента *che* в составе главного предложения для выражения побуждения или желания *Che venga domani!; Che non cantino!* Maiden допускает, что данная конструкция получила широкое распространение вследствие тесной связи союза *che* и конъюнктива в придаточных предложениях [21]. Позже в своей фундаментальной работе об императиве Alexandra Aikhenvald будет утверждать, что в различных языках императивные высказывания могут иметь «поверхностное» сходство с придаточными [22, p. 110].

Отметим также, что в косвенной речи, передающей побудительное высказывание, используется конъюнктив:

Ho detto a Veronica: "Vieni pure domani!" – Ho detto a Veronica che venga pure domani. (Il professore gli disse che parlasse ad alta voce. L'hanno incaricato di dire al commissario che esamini questo caso complicato. Ho detto al cameriere che mi portasse due caffè.) Конъюнктив здесь реализует модальность волеизъявления в придаточном предложении. В прямой речи в тех случаях, когда волеизъявление адресовано третьему лицу, побуждение выражается в главном предложении при помощи той же конструкции, что и в рассмотренных выше придаточных: *Che venga domani!; Che esamini questo caso complicato!* Очевидно, что как в первом, так и во втором случае субъект действия, выраженного конъюнктивом, это третье лицо единственного числа: *che (lei) venga domani; che (lui) esamini questo caso complicato*. Таким образом прослеживается связь конъюнктива настоящего времени с прототипическим императивом и местоимением третьего лица единственного числа. Если аллокутивное местоимение *Lei* этимологически происходит от абстрактных аллокутивов типа *Vostra signoria!*, то побуждение при обращении к абстрактному лицу, выраженному третьим лицом единственного числа женского рода, в глубинной структуре может выглядеть следующим образом: *pretendo che questa*

persona venga domani; voglio che questa persona esami il caso complicato.

Выводы

1. Толчком к распространению формы *Lei*, несомненно, послужила испанская лингвокультура, в то время как сама форма и её грамматические характеристики (сочетаемость, способ согласования и т. п.) по большей части являются наследием естественного развития итальянских диалектов и впоследствии итальянского языка.

2. Термин «вежливые» по отношению к аллокутивным местоимениям *Lei, Voi, Loro* является не вполне адекватным, поскольку эти местоимения определяют социальную иерархию и дистанцию между участниками интеракции. Вежливость выражается иными способами.

3. Употребление аллокутивных местоимений 3-го лица единственного числа и соответствующих им императивных форм основывалось на стремлении избежать прямого обращения к собеседнику.

4. Итальянский язык демонстрирует пример последовательной эволюции аллокутивных местоимений, реализующих социальный дейксис: местоимение 2-го л. ед.ч. заменяется на 2-е л. мн. ч, а затем на 3-е л. ед.ч. (*tu – voi – lei*).

В современном итальянском языке местоимение *voi* утрачивает свои позиции как социально-дейктическое местоимение. Наблюдается аллокутивный сдвиг по оси солидарность–дистанция: в кругу семьи *voi* замещается местоимением *tu*, а в общественной сфере – местоимением *lei*.

Примечания

1. Аллокутивные языковые средства – это отдельные слова (местоимения, существительные, личные формы глагола) и синтагмы или описательные обороты, употребляемые в речи для обозначения реципиента, являющегося участником речевого акта. Кроме референциального значения они несут в себе также социально-статусное значение. (От лат. *alloquor* – обращаться с речью, заговаривать; взывать, обращаться с мольбой. См. также *allocutor* в Brown K., Miller J.E., The Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 494 p.).

2. Аллокутивные местоимения *Voi* и далее в тексте *Lei* пишутся здесь с прописной буквы согласно традиции отличать их на письме от соответствующих им личных местоимений *voi* (при обращении к более чем одному собеседнику) и *lei* (при обращении к лицу женского пола).

3. Цит. по: [8, p. 76].

4. На «вы», как в Риме, стали величать, / Хотя их привычка остаётся зыбкой, / Повёл я речь, заговорив опять (перевод М.Л. Лозинского).

5. В разговорной речи именительный падеж *ue* начал постепенно вытесняться формой винительного падежа *you* уже в XIV веке. *You* как субъект второго лица множественного числа стало широко употребляться начиная с XVI века [23, p. 58–59].

6. Цит. по: [5, p. 187].

7. Мы в долгу перед испанским языком, поскольку он на наше несчастье «облагодил» нас столь изящным выражением.

8. Цит. по: [8, p. 79].

9. Ср.: «Его высокоблагородию, – пишет Н.А. Добролюбов в «Свистке», – видимо не хотелось сказать мне «вы», а с *ты* оно относится ко мне не решилось; потому оно благоразумно избежало местоимений» – абстрактная аллокуция грамматического среднего рода определила согласование глаголов в высказывании по среднему роду, а также была заменена местоимением среднего рода.

10. Указание на испанское (иностранное) происхождение этикетного местоимения *Lei*.

11. Какой извращенный и порочный обычай – рассуждать посредством третьего лица и воображаемого понятия.

12. Цит. по: [5, p. 195].

13. Мне кажется странным и тошнотворным, что мы говорим с кем-то так, как если бы это был другой человек, и притом абстрактным образом – как бы с идеей человека, а не с самим человеком.

14. Цит. по: [8, с. 88].

15. Когда кто-нибудь по своему глупому обыкновению хочет мне польстить и говорит мне: «*Vaia milost' (da) окажет мне любезность*», я сначала думаю, а ко мне ли он обращается, и затем, сообразив, отвечаю ему: «*Моя милость (da) ответит тебе, а потом и окажет тебе эту любезность, а не я*».

16. Цит. по: [8, с. 88].

17. Дорогой мой друг, начну с благодарности к тебе за то, что ты изгнал из своего языка этот проклятый испанизм третьего лица, чтобы обращаться ко мне запросто, как подобает нашей с тобой дружбе.

Список литературы

1. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // Language and Social Context: Selected Readings / Ed. P.P. Giglioli. Harmondsworth, 1972. P. 252–282.
2. Cortelazzo M., Zolli P. DELI: Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 1999.
3. Maiden M. Storia linguistica dell'italiano. Bologna; Mulino, 1998. 307 p.
4. Aira G. R., Piazzini F. La lingua. Grammatica Italiana per scuola media. Bologna, 1984. P. 239–241.
5. Migliorini B. Primordi del 'lei' // Saggi linguistici. Firenze, Felice le Monnier, 1957. 342 p.
6. Салимбене де Адам, Хроника: Пер. с лат. М.: РОССПЭН, 2004. 984 с.
7. Ricci G.G. Diporti di Parnaso rime e prose di Gio. Giacomo Ricci divise con sette libri in caccie diverse, caccie heroiche, uccellagioni, pescaggioni, combattimenti, givocchi e vegghe. Roma, 1635.

8. Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникативное пространство. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. 344 с.
9. Brunet J. Grammaire critique de l'italien. IX: Tu, voi, Lei. Paris: Université de Paris VIII, Vincennes, 1987.
10. Cicognani B. // Corriere della Sera. 1938. 15 gennaio. P. 3.
11. Renzi L. La deissi personale e il suo uso sociale // Renzi L., Salvi G., Cardinaletti A. (a cura di), Grande Grammatica Italiana di Consultazione. I–III vv. Bologna; il Mulino, 2001. P. 350–375.
12. Beccaria G.L. Spagnolo e spagnoli in Italia. Riflessi ispanici sulla lingua del Cinque e del Seicento. Torino, Giappiccheli, 1985. P. 195–197.
13. Cruschina S., *Sabbenedica* e l'imperativo di cortesia // Bollettino. Centro studi filologici e linguistici siciliani, Palermo, 2014. P. 261–279.
14. Leopardi G. Epistolario di Giacomo Leopardi in 7 v. Firenze: F. Le Monnier, 1934–1941, vol. 5.
15. Dardano M., Nuovo manualetto di linguistica italiana. Bologna: Zanichelli, 2017. 303 p.
16. Benigni L., Bates E. Interazione sociale e linguaggio: analisi pragmatica dei pronomi allocutivi italiani // Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea. Atti dell'VIII congresso internazionale di studi, Bresanone. 1974. 31 maggio – 2 giugno / Ed. Raffaele S., Giulianella R. Roma: Bulzoni. P. 141–165.
17. Bates E., Benigni L., Rules of Address in Italy: A Sociological Survey // Language in Society, 1975. 4. P. 271–288.
18. Bazzanella C., Linguistica e pragmatica del linguaggio. Un'introduzione / Ed. Laterza. Roma-Bari, 2008. 300 p.
19. Fillmore C.J., Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington: Indiana University Linguistic Club, 1975.
20. Barbato M., *Andiamo, anem, vamos*, Congiuntivo per indicativo nella storia della flessione romanza // Vox Romanica. 2013. 72. P. 17–41.
21. Stefinlongo A. Completive col congiuntivo e con l'indicativo in italiano antico // Critica letteraria. 1977. 5. P. 253–277, 469–496, 686–703.
22. Aikhenvald Alexandra Y., Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press, 2010. 500 p.
23. Raumolin-Brunberg H., The diffusion of subject YOU: A case study in historical sociolinguistics // Language Variation and Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Vol. 17. P. 55–73.

PRONOUNS OF ADDRESS AND CORRESPONDING IMPERATIVE VERB FORMS IN THE ITALIAN LANGUAGE

N.K. Guseva

In this paper, we examine the genesis of the Italian system of address pronouns and the norms of their usage that changed over time. Particular attention is given to the imperative verb forms which are morphologically bound with the address pronouns as the most explicit expression forms of social relations between the participants of a speech act.

Keywords: terms of address, address pronouns, imperative paradigm, Italian language, non-canonical imperative forms, social deixis, historical Italian grammar.

References

1. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // Language and Social Context: Selected Readings / Ed. P.P. Giglioli. Harmondsworth, 1972. P. 252–282.
2. Cortelazzo M., Zolli P. DELI: Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 1999.
3. Maiden M. Storia linguistica dell'italiano. Bologna; Mulino, 1998. 307 p.
4. Aira G. R., Piazza F. La lingua. Grammatica Italiana per scuola media. Bologna, 1984. P. 239–241.
5. Migliorini B. Primordi del 'lei' // Saggi linguistici. Firenze, Felice le Monnier, 1957. 342 p.
6. Salimbene de Adam, Hronika: Per. s lat. M.: ROSSPEN, 2004. 984 s.
7. Ricci G.G. Diporti di Parnaso rime e prose di Gio. Giacomo Ricci divise con sette libri in caccie diverse, caccie heroiche, uccellagioni, pescaggioni, combattimenti, givocchi e vegghe. Roma, 1635.
8. Uspenskij B.A. Ego Loquens: Yazyk i kommunikacionnoe prostranstvo. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2011. 344 s.
9. Brunet J. Grammaire critique de l'italien. IX: Tu, voi, Lei. Paris: Université de Paris VIII, Vincennes, 1987.
10. Cicognani B. // Corriere della Sera. 1938. 15 gennaio. P. 3.
11. Renzi L. La deissi personale e il suo uso sociale // Renzi L., Salvi G., Cardinaletti A. (a cura di), Grande Grammatica Italiana di Consultazione. I–III vv. Bologna, il Mulino, 2001. P. 350–375.
12. Beccaria G.L. Spagnolo e spagnoli in Italia. Riflessi ispanici sulla lingua del Cinque e del Seicento. Torino, Giappiccheli, 1985. P. 195–197.
13. Cruschina S., *Sabbenedica* e l'imperativo di cortesia // Bollettino. Centro studi filologici e linguistici siciliani, Palermo, 2014. P. 261–279.
14. Leopardi G. Epistolario di Giacomo Leopardi in 7 v. Firenze: F. Le Monnier, 1934–1941, vol. 5.
15. Dardano M., Nuovo manualetto di linguistica italiana. Bologna: Zanichelli, 2017. 303 p.
16. Benigni L., Bates E. Interazione sociale e linguaggio: analisi pragmatica dei pronomi allocutivi italiani // Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea. Atti dell'VIII congresso internazionale di studi, Bresanone. 1974. 31 maggio – 2 giugno / Ed. Raffaele S., Giulianella R. Roma: Bulzoni. P. 141–165.
17. Bates E., Benigni L., Rules of Address in Italy: A Sociological Survey // Language in Society. 1975. 4. P. 271–288.

18. Bazzanella C., *Linguistica e pragmatica del linguaggio. Un'introduzione* / Ed. Laterza. Roma-Bari, 2008. 300 p.
19. Fillmore C.J., *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Bloomington: Indiana University Linguistic Club, 1975.
20. Barbato M., *Andiamo, anem, vamos*, Congiuntivo per indicativo nella storia della flessione romanza // *Vox Romanica*. 2013. 72. P. 17–41.
21. Stefinlongo A. Completive col congiuntivo e con l'indicativo in italiano antico // *Critica letteraria*. 1977. 5. P. 253–277, 469–496, 686–703.
22. Aikhenvald Alexandra Y., *Imperatives and Commands*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 500 p.
23. Raumolin-Brunberg H., The diffusion of subject YOU: A case study in historical sociolinguistics // *Language Variation and Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Vol. 17. P. 55–73.